

Аммалат-бек -6/ продолжение

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 24 января, 2025

Аммалат-бек -6/ продолжение ГЛАВА IX

Для укрощения мятежных дагестанцев полковник Верховский с полком своим стоял в селении Кяфир-Ку-мык лагерем. Палатка Аммалат-бека разбита была рядом с его палаткою, и в ней Сафир-Али, развалившись небрежно на ковре, потягивал донское, несмотря на запрещение пророка. Аммалат-бек, худой, бледный, задумчивый, лежал, склонив голову на валец, и курил трубку. Уже три месяца прошли с той поры, как он, изгнанник рая, скитался с отрядом в виду гор, куда летело его сердце и не смела ступить нога. Тоска источила его, досада пролила желчь на его прежде радушный нрав. Он принес жертву своей привязанности к русским и, казалось, упрекал в ней каждого русского.

Неудовольствие пробивалось в каждом его слове, в каждом взгляде.

– Прекрасная вещь – вино! – приговаривал Сафир-Али, преисправно осушая стаканы. – Верно, Магомету попались на аравитском солнце прокислые подонки, когда он запретил виноградный сок правоверным. Ну право, эти капли так сладки, будто сами ангелы с радости наплакали своих слез в бутылки. Эй, выпей еще хоть стаканчик, Аммалат-бек. Сердце твое всплывет на вине легче пузырька. Знаешь, что пел про него Гафиз?..

– А ты знаешь? Не докучай, добро, Сафир-Али, мне своим вздором, ни даже под именем Саади и Гафиза.

– Эка беда! Ну да хоть бы этот вздор был мой доморощенный, он не серьга, в ухе не повиснет. Небось когда заведешь сказку про свою царицу Селтанету, я гляжу тебе в рот, как тому искуснику, который ел огонь и мотал из-за щек бесконечные ленты. Тебя заставляет говорить чепуху любовь, а меня донское; вот мы и квиты!.. Ну-тка, за здоровье русских!

– Что полюбились тебе эти русские? – Скажи лучше, отчего

разлюбил ты их?

– Оттого, что разглядел поближе. Право, ничем не лучше наших татар.

Так же падки на выгоды, так же охочи пересуживать, и не для того, чтобы исправить ближнего, а чтобы извинить себя; а про лень их и говорить нечего.

Долго они властвуют здесь, а что сделали доброго, какие постановили твердые законы, какие ввели полезные обычаи, чему нас выучили, что устроили они порядочного! Верховский открыл мне глаза на недостатки моих одноземцев, но с этим вместе я увидел и недостатки русских, которые тем больше непростительны, что они знают полезное, выросли на добрых примерах и здесь, будто забыв свое назначение, свою деятельную природу, понемногу утопают в животном ничтожестве.

– Надеюсь, ты не включаешь в это число Верховского?

– Не только его, и других наберем в особый круг; зато многих ли их?

– Ангелы и в небе на перечеете, Аммалат-бек, а Верховскому, право, хоть молиться можно за его правду, за его доброту. Есть ли хоть один татарин, который бы сказал про него худо?.. Есть ли солдат, что не отдаст за него души?.. Абдул-Гамид! еще вина! Ну-тка, за здоровье Верховского!

– Избавь! Я не стану теперь пить ни за самого Магомета!

– Если у тебя сердце не так черно, как глаза Селта-неты, ты неотменно выпьешь за Верховского, хоть бы это было при краснобородых яхунтах (Тарковцы секты сунни. Я хунт – старший мулла, - (Примеч. автора.)) дербентских шагидов, хотя бы все имамамы и шихи (Имам – святой; ших – пророк. (Примеч. автора.)) не только облизывались, но огрызались на тебя за такое святотатство.

– Не выпью, – говорю я тебе.

– Послушай, Аммалат! Я готов за тебя напоить допьяна черта своей кровью, а ты не хочешь для меня выпить вина!

– То есть в этот раз не стану пить; а не стану потому, что не хочу, а не хочу потому, что кровь и без вина бродит во мне, как молодая буза.

– Пустые отговорки! Не в первый раз мы пьем, не впервые у нас

кровь кипит... Скажи лучше прямо: ты сердит на полковника?

– Очень сердит!

– Можно ли узнать за что?

– За многое. Давно уже стал подливать он каплю по капле яду в мед дружбы своей... Теперь эти капли переполнили и пролили чашу. Терпеть не могу таких полутеплых друзей! Щедр он на советы, не скуп и на поучение, то есть на все, что не стоит ему никакого труда, никакого риска.

– Понимаю, понимаю. Верно, он не пустил тебя в Аварию?

– Если бы ты носил в груди мое сердце, ты бы понял, каково было мне услышать такой отказ. Как давно манил он меня этим и вдруг отринул самые нежные просьбы, разбил в пыль, как хрустальный кальян, самые лестные ожидания... Ахмет-хан, верно, смягчился, когда присылал сказать, что желает видеть меня, и я не могу спешить к нему, лететь к Селтанете!

– Поставь-ка, брат, себя на его месте и потом скажи, не так ли же бы поступил ты сам?

– Нет, не так. Я бы просто сказал с самого начала: «Аммалат! не жди от меня никакой помощи!» Я и теперь не прошу от него помощи, прошу только, чтобы он не мешал мне, так нет: он, заграждая от меня солнце всех радостей, уверяет, что делает это из участия, что это впереди принесет мне счастье!..

Не значит ли это отравлять в сонном питье?

– Нет, друг. Если оно и в самом деле так, то сонное питье дадут тебе, как человеку, у которого хотят что-нибудь вырезать для исцеления. Ты думаешь об одной любви своей, Верховскому же надобно хранить без пятна и твою и свою честь, а вы оба окружены недоброхотами. Поверь, что так или иначе, только он вылечит тебя.

– Кто просит его лечить меня? Эта божественная болезнь, любовь, – моя единственная отрада! И лишить меня ее – все равно что вырвать из меня сердце за то, что оно не умеет биться по барабану...

В это время вошел в ставку незнакомый татарин, подозрительно осмотрелся кругом и с низким наклоном головы поставил перед Аммалатом туфли свои. По азиатскому обычаю это значило, что он просит тайного разговора. Аммалат понял его, кивнул головою, и

оба вышли на воздух. Ночь была темна, огни погасли, и цепь часовых раскинута далеко впереди.

– Здесь мы одни, – сказал Аммалат-бек татарину. – Кто ты и что тебе надобно?

– Мое имя Самит. Я дербентский житель, секты сунни, и теперь служу в отряде, в числе мусульманских всадников. Порученье мое важнее для тебя, чем для меня... Орел любит горы!

Аммалат вздрогнул и недоверчиво взглянул на посланца: то была условная поговорка, которой ключ написал ему Султан-Ахмет заранее.

– Как не любить гор! – отвечал он. – В горах много ягнят для орла, много серебра для человека.

– И булата для витязей (игидов). Аммалат схватил посланца за руку.

– Здоров ли Султан-Ахмет-хан? – спросил он торопливо. – Какие вести принес ты от него? Давно ли видел его семью?..

– Не отвечать, а спросить я прислан. Хочешь ли ты за мною следовать?

– Куда? Зачем?

– Ты знаешь, кто прислал меня, – этого довольно; если не веришь ему, не верь и мне, – в том твоя воля и моя выгода. Чем лезть в петлю ночью, я и завтра успею известить хана, что Аммалат не смеет выехать из лагеря!

Татарин попал в цель. Щекотливый Аммалат вспыхнул.

– Сафир-Али! – вскричал он громко. Сафир-Али встрепенулся и выбежал из палатки.

– Вели подвезть себе и мне хоть неоседланных коней и с тем вместе сказать полковнику, что я поехал осмотреть поле за цепью: не крадется ли какой бездельник под часового. Ружье и шашку, да мигом!

Коней подвели. Татарин вскочил на своего, привязанного неподалеку, и все трое понеслись к цепи. Сказали пароль и отзыв и мимо секретов понеслись влево по берегу быстрой Узени. Сафир-Али, который очень неохотно расстался с бутылкою, ворчал на темноту, на кусты и овраги и очень сердито побрякивал подле Аммалата, но, видя, что никто не начинает разговора, решился сам завести его.

– Прах на голову этого проводника, – сказал он. – Черт знает, куда ведет и куда заведет он нас. Пожалуй, еще продаст лезгинам ради богатого выкупа... Не верю я этим косым.

– Я и прямоглазым мало верю, – отвечал Аммалат. – Но этот косой прислан от друга. Он не изменит нам.

– А чуть задумает что-нибудь похожее, так при первом движении я распластаю его, как дыню. – Эй, приятель, – закричал Сафир-Али проводнику, – ради самого царя джинниев (духов), ты, кажется, сговорился с терновником оборвать с чухи моей галуны. Неужто не нашел ты попросторнее дороги? Я, право, не фазан и не лисица. Проводник остановился.

– Правду сказать, я слишком далеко завел такого неженку, как ты, – возразил он. – Оставайся здесь ностеречь коней, покуда мы с Аммалат-беком сходим куда следует.

– Неужели ты пойдешь в лес без меня с этой разбойничьей харею? – шепнул Сафир-Али Аммалату.

– То есть ты боишься остаться здесь без меня? – возразил Аммалат, слезая с коня и отдавая ему повод. – Не поскучай, милый. Я оставляю тебя в прелюбезной беседе волков и чакалов. Слышишь, как они распевают?

– Дай бог, чтобы мне не пришлось выручать твои кости от этих певчих, – сказал Сафир-Али.

Они расстались.

Самит повел Аммалата между кустами над рекою и, прошедши с полверсты между камнями, начал спускаться книзу. С большою опасностью лезли они по обрыву, хватаясь за корни шиповника, и, наконец, после трудного пути, спустились до узкого жерла небольшой пещеры, вровень с водою. Она была вымыта потоком, когда-то быстрым, но теперь иссякшим. Известковые, трубчатые капельники и селитряные кристаллы сверкали от огня, разложенного посредине. В глуби лежал Султан-Ахмет-хан на бурке и, казалось, нетерпеливо ожидал, чтобы Аммалат огляделся в густом дыме, клубившемся в пещере. Ружье со взведенным курком лежало у него на коленях; космы его шапки играли на ветре, который дул из расселины. Он приподнялся приветливо, когда Амма-лат-бек кинулся к нему с приветом.

– Я рад тебя видеть, – сказал он, сжимая руку гостя, – рад и

не скрываю чувства, которого не должно бы мне хранить. Впрочем, я не для пустого свидания ступил ногою в кляпцы и потревожил тебя. Садись, Аммалат, и посудим о важном деле.

– Для меня, Султан-Ахмет-хан?

– Для нас обоих. С отцом твоим водил я хлеб-соль; было время, когда и тебя считал я своим другом...

– Только считал?..

– Нет, ты и был им и навсегда бы остался им, если б между нами не прошел лукавец Верховский.

– Хан, ты не знаешь его.

– Не только я, скоро ты сам его узнаешь!.. Но начнем с того, что касается до Селтанеты. Аммалат, тебе известно, ей нельзя век сидеть в девках. Это был бы зазор моему дому, и я откровенно скажу тебе, что за нее уже сватаются.

Сердце будто оторвалось в Аммалате; долго не мог оп собраться с духом.

Наконец, оправясь, он дрожащим голосом спросил:

– Кто этот смельчак жених?

– Второй сын шамхала, Абдул-Мусселим. После тебя, по высокой крови своей, он больше других горских князей имеет права на Селтанету.

– После меня? после меня? – вскричал вспльчивый бек, закипая гневом, – Разве меня хоронили? Разве и память моя погибла между друзьями?

– Ни память, ни сама дружба не умерла, по крайней мере в моем сердце.

Но будь справедлив, Аммалат, столько же, как я откровенен. Забудь, что ты судья в своем деле, и реши: что должно нам делать? Ты не хочешь расстаться с русскими, а я не могу с ними помириться.

– О, только пожелай этого, только скажи слово, и все забыто, все прощено тебе. В этом ручаюсь я тебе своей головою и честью Верховского, который не раз мне обещал свое ходатайство. Для собственного блага, для спокойствия аварцев, для счастья твоей дочери и моего блаженства умоляю тебя: склонись к примирению, и все будет забыто, все прежнее возвращено тебе!

– Как смело ручаешься ты, доверчивый юноша, за чужую пощаду,

за чужую жизнь!.. Уверен ли ты в своей собственной жизни, в собственной свободе?

– Кому нужна моя бедная жизнь? Кому дорога воля, которой не ценю я сам?

– Кому? Дитя, дитя! Неужели ты думаешь, что у шамхала не вертится под головой подушка, когда в голову забирается дума, что ты, настоящий наследник шамхальства тарковского, в милости у русского правительства.

– Я никогда не надеялся на его приязнь и никогда не побоюсь его вражды.

– Не бойся, но и не презирай ее. Знаешь ли, что гонец, посланный к Ермолову, минутою опоздал приехать и упросить его: не давать пощады, казнить тебя, как изменника. Он и прежде готов бывал убить тебя поцелуем, если б мог, а теперь, когда ты отослал к нему слепую дочь его, он не скрывает к тебе своей ненависти.

– Кто посмеет тронуть меня под защитой Верховского?

– Послушай, Аммалат, я скажу тебе побасенку: баран ушел на поварню от волков, и радовался своему счастью, и хвалился ласками приспешников. Через три дня он был в котле. Аммалат, это твоя история! Пора открыть тебе глаза.

Человек, которого считал ты своим первым другом, первый предал тебя. Ты окружен, опутан изменою. Главное желание мое свидеться с тобою было долгом предупредить тебя. Святая Селтанету, мне дали от шам-хала почувствовать, что через него я вернее могу примириться с русскими, нежели через безвластного Амма-лата, что тебя скоро удалят так или сяк, безвозвратно, следственно, нечего бояться твоего совместничества. Я подозревал еще более и узнал более, чем подозревал. Сегодня перехватил я шамхальского нукера, которому поручены были переговоры с Верховским, и пыткой выведал от него, что шамхал дает пять тысяч червонцев, чтобы известить тебя... Верховский колеблется и хочет послать только в Сибирь навечно. Дело еще не решено, но завтра отряд идет по домам, и они согласились съехаться в твоём доме, в Буйнаках, торговаться о крови или кровавом поте твоём: будут составлять ложные доносы и обвинения, будут отравлять тебя за твоим же

хлебом и ковать в чугунные цепи, суля золотые горы.

Жалко было видеть Аммалата во время этой ужасной речи. Каждое слово, как раскаленное железо, вторгалось в сердце его. Все, что доселе таилось в нем утешительного, благородного, высокого, вспыхнуло вдруг и превратилось в пепел. Все, во что он веровал так охотно и так долго, рушилось, распадалось в пожаре негодования. Несколько раз порывался он говорить, но слова умирали в каком-то болезненном стоне, и, наконец, дикий зверь, которого укротил Верховский, которого держал в усыплении Аммалат, сорвался с цепи: поток проклятий и угроз пролился из уст разъяренного бека.

– Мечь, мечь! – восклицал он. – Неумолимая мечь, и горе лицемерам!

– Вот первое достойное тебя слово, – сказал хан, скрывая радость удачи. – Довольно ползал ты змеем, подставляя голову под пята русских; пора взвиться орлом под облака, чтобы сверху блюсти врага, недосыгаем его стрелами. Отражай измену изменою, смерть смертию.

– Так, смерть и гибель шамхалу, хищнику моей свободы; гибель Абдул-Мусселиму, который дерзнул простереть руку на мое сокровище!

– Шамхал? Сын его, семья его? Стоят ли они первых подвигов? Их всех мало любят тарковцы, и если мы пойдем на шамхала войною, нам все его семейство выдадут в руки. Нет, Аммалат, ты должен сперва нанести удар подле себя, сверзить своего главного врага: ты должен убить Верховского.

– Верховского! – произнес Аммалат, отступая. – Да!.. Он враг мой, но он был моим другом, он избавил меня от позорной смерти!

– И вновь продал на позорную жизнь!.. Хорош друг! Притом же ты сам избавил его от кабаньих клыков, достойной смерти свиноеду! Первый долг заплачен; остается отплатить за второй – за участь, которую он готовит тебе так коварно...

– Чувствую... это должно... Но что скажут добрые люди? Что будет вопиять совесть моя?

– Мужу ли трепетать перед бабьими сказками и плаксивым ребенком – совестью, когда идет дело о чести и мести? Я вижу,

Аммалат, что без меня ты ни на что не решишься, не решишься даже жениться на Селтанете. Слушай: если ты хочешь быть достойным зятем моим, первое условие – смерть Верховского. Его голова будет – калым за невесту, которую ты любишь, которая любит тебя.

Не одна месть, но и сама здравая расчетливость требует смерти полковника.

Без него весь Дагестан останется без головы и оцепенеет на несколько дней от ужаса. В это время налетим мы на рассеявшихся по квартирам русских. Я сажусь на коня с двадцатью тысячами аварцев и акушинцев, и мы падем с горы на Тарки, словно снежная туча. Тогда Аммалат – шамхал дагестанский обнимет меня как друга, как тестя. Вот мои замыслы, вот судьба твоя! Выбирай любое: или вечную ссылку, или смелый удар, который сулит тебе силу и счастье.

Думай, решайся; но знай, что в следующий раз мы встретимся или родными, или врагами непримиримыми!

Хан исчез.

Долго стоял Аммалат, обуреваемый, пожираемый новыми, ужасными чувствами. Наконец Самит напомнил ему, что время возвратиться в лагерь. Не зная сам как и где, взобрался он вслед за своим таинственным провожатым на берег, нашел коня и, не отвечая ни слова на тысячи вопросов Сафир-Али, примчался в свою палатку. Там все муки душевного ада ожидали его. Тяжка первая ночь бедствия, но еще ужаснее первая ночь кровавых дум злодейства.

ГЛАВА X

– Замолчишь ли ты, змееныш? – говорила татарка старуха внуку своему, который, проснувшись перед светом, плакал от безделья.

– Умолкни, говорю, или я выгоню тебя на улицу.

Старуха эта была мамка Аммалата. Сакля, в которой жила она, стояла вблизи палат бекских и подарена ей была ее воспитанником. Она состояла из двух чистенько выбеленных комнаток. Пол в обеих устлан циновками (гасиль); в частых нишах, без окон, стояли сундуки, обитые жестью, и на них наложены перины, одеяла и вся рухлядь. По карнизам, на

половине высоты стены, расставлены были фаянсовые чашки для плову, с жестяными на них, в виде шлемов, колпаками, и повешены ребром на проволоке тарелочки, в коих просверленные скважины доказывали, что они служат не для употребления, а для красоты. Лицо старухи покрыто было морщинами и выражало какую-то злую досаду, обыкновенное следствие одинокой, безрадостной жизни всех мусульманок. Как достойная представительница своих ровесниц и землячек, она ни на одну минуту не переставала ворчать про себя и вслух бранить внука из-под стеганого своего одеяла.

– Кесь (молчи)! – вскричала, наконец, она еще сердитее, – кесь! Или я отдам тебя гоулям (чертям)! Слышишь, как они царапаются по кровле и стучатся за тобой в-двери?

Ночь была ненастна, и крупный дождь по плоской кровле, составляющей вместе потолок, и стон ветра в трубе вторили ее хриплому голосу. Мальчик притих и, выпуча глаза, со страхом прислушивался. В самом деле послышалось, будто кто-то стучит в двери. Старуха перепугалась в свою очередь.

Всегдашняя ее собеседница, лохматая собака подняла спросоньев морду и залаяла прежалобным голосом.

Но между тем удары в дверь усилились, и незнакомый голос проревел за нею:

– Ачь капины, ахырын ахырыси (отвори дверь, на конец концов)! Старуха побледнела.

– Аллах бисмаллах!.. – произнесла она, то обращаясь к небу, то грозя собаке, то унимая плачущего ребенка. – Цыц, проклятая! Молчи, говорю я тебе, харамзада (бездельник, сын позора)! Кто там? Какой добрый человек пойдет ни свет ни заря в дом к бедной старухе! Если ты шайтан, ступай к соседке Кичкине: ей давно пора в ад показать дорогу! Если чоуш (десятник), что, правду сказать, немножко похуже шайтана, так убирайся прочь. Зятя нет дома, он в нукерах при Аммалат-беке, да меня же бек давным-давно освободил от постоя, а на угощенье приезжих дармоедов не жди от меня ни яйца, не то чтобы утенка. Разве я даром выкормила грудью Аммалата?

– Да отворишь ли ты, чертово веретено? – с нетерпением вскричал голос. – Или я из этой двери не оставляю тебе на гроб

дощечки!

Хилые затворы затрещали на петлях своих.

– Милости просим, милости просим! – сказала старуха, дрожащей рукой отстегивая накладку.

Дверь распахнулась, и вошел человек среднего роста, прекрасной, но угрюмой наружности.

Он был в черкесском платье; с башлыка его и белой бурки струилась вода; он без всяких обиняков сбросил ее на перину и начал развязывать лопасти башлыка, которые закрывали ему лицо до половины. Фатма, вздвув в это время свечу, стояла перед ним со страхом и трепетом; усастая собака, прижав хвостик, съежилась в углу, а мальчик с испугу залез в камелек, который для красы никогда не был топлен.

– Ну, Фатма, спесива стала, – сказал незнакомец, – не узнаешь ныне старых знакомцев...

Фатма вгляделась в черты пришельца, и у ней отлегло от сердца: она узнала Султан-Ахмет-хана, который от Кяфир-Кумыка примчался в одну ночь в Буйнаки.

– Пусть песок засыплет глаза, которые не узнали своего старого господина! – произнесла она, почтительно сложив руки на груди.

– Правду молвить, потухли они в слезах по своей родине, по Аварии. Прости, хан, старухе.

– Что твои за лета, Фатма! Я тебя помню маленькою девочкою в Хунзахе, когда сам я насилу мог доставать воронят из гнезда.

– Чужая сторона хоть кого старит, хан! В родимых горах я бы до сих пор была свежа как яблочко, а здесь так словно снежный ком, с горы упавший на долину. Прошу сюда, хан, здесь покойнее. Да чем мне потчевать дорогого гостя? Не угодно ли чего душе ханской?

– Душе ханской угодно, чтоб ты его попотчевала своей доброй волею.

– Я в твоей воле, хан. Говори, приказывай.

– Слушай, Фатма, мне некогда терять ни слов, ни часов. Вот зачем я приехал сюда. Сослужи мне службу языком, так будет чем потешить твои старые зубы. Я подарю тебе десять баранов и одену в шелк с головы до башмаков.

– Десять баранов и платье, шелковое платье! О, милостивый ага!

О, добрый мой хан! Не видывала я здесь таких господ с тех пор, как увезли меня эти проклятые татары и выдали за немилого... Все готова сделать, хан, хоть ухо режь.

– Резать незачем, надобно только востро держать его. Вот в чем дело: к вам сегодня приедет Аммалат с полковником, приедет и шамхал тарковский.

Полковник этот приколдовал к себе молодого твоего бека и, научив есть свинину, хочет окрестить его христианином, от чего да сохранит его Магомет.

Старуха оплевывалась, возводя очи к небу.

– Чтобы спасти Аммалата, надо поссорить его с полковником. Для этого ты приди к нему, кинься в ноги, расплачься, как на похоронах, ведь слез тебе не занимать ходить к соседкам; разбожись, как дербентский лавочник, вспомня, что каждую клятву твою повезет дюжий баран, и, наконец, скажи ему, что ты подслушала разговор полковника с шамхалом, что шамхал жаловался за отсылку дочери, что он ненавидит его из боязни, чтобы он не завладел шамхальством, что он умолял полковника позволить убить его из засады или отравить в кушанье, а тот соглашался только заслать его в Сибирь за тридевять гор. Одним словом, выдумай и распиши все покраснев. Ты искони славилась сказками; не съешь же теперь грязи и пуще всего упирайся на то, что полковник, едучи в отпуск, возьмет его с собою в Георгиевск, чтобы разлучить с родными и преданными нукерами и оттоле скованного отправить к черту.

Султан-Ахмет прибавил к сему все нужные подробности для придания этой сказке самой правдоподобной наружности и раза два учил старуху, как ловче ввернуть их в речь.

– Ну, помни же все хорошенько, Фатьма, – сказал он, надевая бурку. –

Не забудь и того, с кем имеешь дело.

– Балла, билла! Пусть будет мне пепел вместо соли, пусть нищенский чурек закроет мне глаза, пусть...

– Не корми шайтанов своими клятвами, а послужи мне речами. Я знаю, что Аммалат верит тебе крепко, и если ты для пользы же его хорошо сладишь дело, он уедет ко мне и тебя привезет туда же. Заживешь под моим крылышком припеваючи. Но повторяю тебе:

если ты нечаянно или нарочно изменишь мне или помешаешь своей болтовнёю, то я из твоего старого мяса напеку шайтанам кебаба (Кусочки жареного мяса на вертеле (шашлык). (Примеч. автора.)).

– Будь покоен, хан: им нечего делать ни за меня, ни со мною. Я буду хранить тайну, как могила, а на Амалата надену сорочку свою (То есть передаст ему свои чувства; татарское выражение. (Примеч. автора.)).

– Ну то-то же, старуха. Вот тебе золотая печать на губы; постарайся!

– Башуста, гёз-уста! (Охотно, позвольте! Слово в слово значит: на мою голову, на мои очи! (Примеч. автора.)) – вскричала старуха, с жадностию схватив червонец и целуя руки хана за этот подарок.

Султан-Ахмет-хан с презрением взглянул на это ползающее существо, выходя из сакли.

– Гадина, – проворчал он, – за барана, за кусок парчи готова бы ты продать и тело дочери, и душу сына, и счастье воспитанника.

Он не подумал, какое имя заслуживал он сам, опутывая друга коварством и нанимая для низкой клеветы, для злодейских намерений подобных существ. Powestler